

И.А. Кубасов

**Вицегубернаторство баснописца Измайлова в
Твери и Архангельске**

**с 1827 по 1829 г., отдельный оттиск из сборника «
Памяти Л. Н. Майкова»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И.А. Кубасов
И11 Вицегубернаторство баснописца Измайлова в Твери и Архангельске: с 1827 по 1829 г., отдельный оттиск из сборника «Памяти Л. Н. Майкова» / И.А. Кубасов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 64 с.

ISBN 978-5-458-14274-8

Семьдесят пять лет тому назад, в один из ноябрьских вечеров, в Петербурге, на набережной еще существовавшего тогда Лиговского канала, в доме Моденовых, под номером 283, в квартире баснописца А. Е. Измайлова происходило необыкновенное оживление. Александр Ефимович получил по службе новое назначение.

ISBN 978-5-458-14274-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

И гости подь такть сочинителю-хозяину позванивали ножами по бокаламъ :

Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

а Измайловъ продолжалъ :

Полно думать о стихахъ
Надо думать о дѣлахъ,
Позабыть и музъ и дамъ,
Помнить только Вакховъ храмъ ¹⁾. . .
Корректурѣ ужъ аминь:
Не до ней! Динь, динь, динь, динь,
Динь, динь и т. д.

А когда пріѣду въ Тверь,
То какъ страшный лютый звѣрь,
Встрѣчу винныхъ продавцовъ;
Не потрачу съ ними словъ:
Чуть не такъ что, тотчасъ вынь
И положи — динь, динь, динь, динь.

Подниму въ Твери я носъ,
Буду лаять, какъ Барбось,
А гдѣ нужно, тамъ согнусь
И въ лисицу превращусь.
Совѣсть! ты меня лишь кинь.
Слышишь? Чу, звенить динь, динь,
Динь, динь и т. д.

О любезные друзья!
Разстаюся съ вами я. . . .
Какъ обязанъ я всѣмъ вамъ!
Просимъ милости въ Тверь къ намъ.
Ради всѣхъ боговъ, богинь,
Пріѣзжайте! . . . динь, динь, динь,
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь. . . .

1) Въ число обязанностей вице-губернатора того времени входило и наблюдение за питейнымъ дѣломъ.

Наконецъ, встали изъ-за стола, кончилась вечеринка, и гости начали расходиться по домамъ, при прощаньи осыпая любезнаго хозяина самыми лучшими благопожеланіями на новомъ предстоящемъ ему поприщѣ. Но грустно было Измайлову разставаться съ Петербургомъ, гдѣ онъ почти безвыѣдно прожилъ безъ малаго полвѣка, гдѣ, можно сказать, сложилась жизнь его и слава: оставляя столицу, онъ покидалъ своихъ друзей, обширное пріятное знакомство и — казалось ему — долженъ былъ разстаться съ своей дѣятельностью какъ литератора, съ своей любимой дѣятельностью, отъ которой за послѣдніе годы нашего писателя и безъ того отрывали постоянно служебныя и многія другія обязанности. Что же заставило Измайлова — говоря его языкомъ — промѣнять «служеніе музамъ на дѣла Вакха»? Въ своей статьѣ объ Измайловѣ мы высказали какъ предположеніе, что причинами, побудившими нашего баснописца занять — по его собственному выраженію — мѣсто «перваго цѣловальника Тверской губерніи», были расчеты чисто матеріальныя; предположеніе это, благодаря недавно найденному нами письму Измайлова къ его родственнику — А. М. Каменеву-Любавскому — подтверждается. «Надѣюсь на Бога» — писалъ Александръ Ефимовичъ черезъ три мѣсяца по вступленіи на новую должность — «Онъ даетъ мнѣ силы снести бремя, которое возложилъ я на себя для пользы моего семейства». Дѣйствительно, жить въ Петербургѣ, имѣя на рукахъ большую семью, хлѣбосольному и доброму Измайлову было не подъ-силу на тѣ средства, которыя ему доставляли служба въ департаментѣ и дѣятельность литературная; онъ мечталъ и именно о вицегубернаторствѣ еще въ 1813 году, что видно изъ письма его къ Н. Ѳ. Грамматину¹⁾. Безъ сомнѣнія, Александръ Ефимовичъ стремился самъ получить мѣстечко вицегубернатора, и въ данномъ случаѣ съ его стороны были приложены нѣкоторыя старанія. Но, добившись назначенія, уѣзжать изъ столицы Измайлову — повторяемъ, очевидно, было не легко, тѣмъ болѣе, что новая должность не рисовалась ему въ хорошихъ краскахъ. Грустное настроеніе Измайлова при сборахъ въ провинцію еще болѣе усилилось, когда его неожиданно навѣстила серьезная болѣзнь, затянувшаяся на цѣлый мѣсяцъ, а

1) *Библиографическія Записки*, 1859 г., ст. 421. См. также стихотвореніе его «Женѣ моеи Катенькѣ» (Собр. сочиненій, т. I, стр. 359).

отъ высшаго начальства шли одинъ за другимъ приказы о немедленномъ выѣздѣ. Изъ боязни «раздражить министра» своимъ промедленіемъ, Александръ Ефимовичъ пустился 23-го декабря 1826 года въ дорогу, не успѣвъ даже вполнѣ оправиться отъ болѣзни. На второй день праздника, 26-го декабря, къ 8-ми часамъ утра онъ былъ уже на берегу Волги, въ виду Твери. Вотъ какъ Александръ Ефимовичъ описываетъ въ письмѣ къ женѣ свой вѣздъ въ этотъ городъ и первыя минуты своего въ немъ пребыванія: «Вскорѣ открылась Волга. Надобно было переѣхать черезъ нее. . . . Первая наша кибитка, съ позволенія городского, переѣхала черезъ Волгу; однако мы вышли изъ повозки и отпрягли одну лошадь. На другомъ берегу нашли нашего Ивана (ямщика), который сказалъ, что можно вѣхать въ вицегубернаторскій домъ. . . . Домъ прекрасный, двухэтажный, только пустой. Старая софа и большой письменный столъ съ стеклянною чернильницей — вотъ вся мебель, которую мы здѣсь нашли. Лишь только вошли въ комнаты и сбросили съ себя шубы, какъ явились въ мундирахъ: старшій совѣтникъ Ераковъ, съ плюмажною шляпою, совѣтникъ питейной части, главный надзиратель и прочіе. Я посадилъ старика Еракова подлѣ себя на софѣ и сказалъ другимъ: «Совѣстно мнѣ, господа, что вы принуждены стоять».

— «Намъ должно быть гораздо совѣстнѣе», отвѣчалъ Ераковъ, «что мы такъ принимаемъ начальство, и ничего не приготовили къ его пріѣзду».

Тутъ всѣ наперерывъ стали приглашать меня къ себѣ въ дома, предлагать мнѣ свою мебель и прочее, но я всѣмъ отказалъ. Вдругъ является губернаторъ. . . . Распѣловалъ меня и, увидя, что нѣтъ мебели, тотчасъ велѣлъ принести отъ себя софу краснаго дерева и полдюжины стульевъ. — «Когда не пеклись вы, господа, приготовить нужное къ пріѣзду вашего начальника», сказалъ онъ подчиненнымъ, «то я самъ возьму это на себя». — Просидѣлъ у меня болѣе часа и звалъ къ себѣ обѣдать»¹⁾.

На слѣдующее же утро въ квартиру Измайлова явился «присяжный» губернскаго правленія, который своимъ объявленіемъ, что «все обстоитъ благополучно» и вопросомъ: «не будетъ-ли какихъ прика-

1) Изъ письма отъ 26-го декабря 1826 г.

заній?» напомнилъ Александру Ефимовичу, что его ждуть къ отправленію новыхъ обязанностей. Но, какъ человекъ религіозный, Измайловъ не хотѣлъ начинать своей новой дѣятельности безъ благословенія Божія; вскорѣ приглашенный священникъ отслужилъ молебень и кстати «выгналъ святою водою» изъ вицегубернаторскаго дома «всѣхъ нѣмецкихъ бѣсовъ, которые остались въ немъ послѣ фонъ-Кронека»¹⁾. Впрочемъ, на службу въ присутствіе Александръ Ефимовичъ отправился не такъ скоро: чувствуя себя еще нездоровымъ, онъ просидѣлъ болѣе педѣли дома и полубольнымъ принималъ должностныхъ лицъ и просителей въ кабинетѣ вицегубернаторскаго дома. Свободное время онъ посвятилъ убранству своего «новаго гнѣзда»: разставлялъ мебель, частью купленную, частью «одолженную добрыми людьми», развѣшивалъ по стѣнамъ портреты литераторовъ и хорошихъ знакомыхъ и т. п.; такъ, на письменномъ столѣ его, между семейными портретами, рядомъ съ портретомъ горячо любимой имъ жены, удобно помѣстился и портретъ С. Д. Пономаревой, бывшей долгое время предметомъ страстнаго платоническаго увлеченія Измайлова, и пр. . . . Скоро все было приведено въ порядокъ; Александръ Ефимовичъ поправился, смѣнилъ халатъ на мундиръ тверскаго вицегубернатора, и тучную фигуру петербургскаго «фабулиста» можно было встрѣтить въ губернскомъ правленіи, казначействѣ и прочихъ тверскихъ присутственныхъ мѣстахъ.

Скоро начались и знакомства Измайлова; многія изъ нихъ, благодаря общительности Александра Ефимовича, его добродушію и искренности, не замедлили перейти въ отношенія пріятельскія. На первыхъ порахъ тверское общество понравилось Измайлову; отличное впечатлѣніе произвелъ на него и губернаторъ, и прочія должностныя лица. Вотъ, напримѣръ, какъ отзывается онъ о губернаторѣ В. А. Борисовѣ въ своемъ письмѣ: «Губернаторъ человекъ справедливый и не даетъ воли грабить ворами» . . .²⁾ «Будь спокойна на счетъ губернатора», — писалъ Александръ Ефимовичъ женѣ, — «губернаторъ истинно честный человекъ»³⁾. Будучи самъ человекомъ безупречной честности, Александръ Ефимовичъ въ особенности цѣнилъ это качество въ людяхъ,

1) Преміестникъ Измайлова.

2) Изъ письма отъ 27-го декабря 1826 г.

3) Изъ письма отъ 24-го января 1827 г.

и немудрено, что скоро полюбилъ своего начальника, показавшагося ему человѣкомъ «истинно честнымъ», и привязался къ нему всей своей открытой душой. — «Въ губернаторѣ истинно нашель я друга и родного», — писалъ онъ, — «какое участіе принимаетъ онъ въ нашемъ положеніи! Какіе добрые совѣты даетъ мнѣ и самъ совѣтуется со мной». . . .¹⁾ «Какъ милостивъ Богъ ко мнѣ, что привелъ меня въ такую губернію, гдѣ нашель въ губернаторѣ истиннаго друга! А сколько случаевъ имѣеть губернаторъ сдѣлать непріятность вицегубернатору и невинно очернить его». . . .²⁾ «Какъ счастливъ я, что имѣю въ губернаторѣ не врага, какъ обыкновенно бываетъ, а друга». . . .³⁾ «Ежедневно, ежечасно благодарю Бога, что служу съ такимъ достойнымъ и благороднымъ человѣкомъ». . . .⁴⁾ Таковъ былъ губернаторъ въ мнѣніи Измайлова, любвеобильное и довѣрчивое сердце котораго скоро полюбило и супругу Борисова и весь домъ его. «Обѣдать буду у татапа», писалъ однажды Александръ Ефимовичъ. — «Такъ иногда называю я добрую губернаторшу. И въ самомъ дѣлѣ любитъ она меня, какъ мать сына. Бережетъ для меня лучшій кусочекъ, замѣчаетъ что болѣе я люблю и приказываетъ то для меня готовить»⁵⁾. . . . Взаимное расположеніе другъ къ другу Измайлова и губернатора выражалось нерѣдко и во взаимно оказываемыхъ любезностяхъ. Такъ, губернаторъ постоянно приглашалъ «бездомнаго» и волею судебъ съ семьей разлученнаго Александра Ефимовича къ себѣ обѣдать, заботился о распространеніи его сочиненій и изданій и т. п., а Александръ Ефимовичъ разсыпался въ любезныхъ комплиментахъ его супругѣ, писалъ ей въ альбомъ, да и самого Борисова угощалъ нерѣдко плодами своей музы. Вотъ, на примѣръ, какой экспромптъ сказалъ онъ ему при встрѣчѣ новаго года:

Да здравствуетъ нашъ добрый губернаторъ!
 Да съ нами онъ живетъ въ Твери!
 Не жалуютъ его — да чертъ ихъ побори!
 Лишь только бѣ жаловалъ его нашъ императоръ.

-
- 1) Изъ письма отъ 7-го января 1827 г.
 2) Изъ письма отъ 25-го января 1827 г.
 3) Изъ письма отъ 28-го февраля 1827 г.
 4) Изъ письма отъ 2-го марта 1827 г.
 5) Изъ письма отъ 24-го января 1827 г.

Пусть подлецы жужжать — объ этомъ не тужи;
 Царю и вѣрою, и правдою служи.
 На сплетни, клеветы — одно лишь выраженье:
 Презрѣнье;
 Клеветниковъ ты презирай,
 Приказныхъ разрушай всѣ подленькія штучки.
 Для года новаго дай Богъ тебѣ добра.
 Ура!

(Губернаторшѣ):

А мнѣ поцѣловать у васъ позвольте ручки.

Но еще болѣе глубокой симпатіей Измайлова пользовался тогдашній архіепископъ тверской и кашинскій Амвросій¹⁾. Послѣдній понравился Александру Ефимовичу съ первой же съ нимъ бесѣды; прослушавши же нѣсколько его проповѣдей, нашъ баснописецъ рѣшилъ, что Амвросій

. молвить не въ укоръ
 Умнѣе даже Филарета,
 Краснорѣчивѣе его

Не разъ онъ называлъ преосвященнаго «умнѣйшимъ, ученѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ»; особенно поражали Измайлова разностороннія познанія Амвросія: «Какъ сталъ преосвященный разсуждать о военныхъ кампаніяхъ», пишетъ онъ въ одномъ письмѣ — «такъ и военные разинули ротъ. Право, кажется, можетъ онъ командовать арміей или по крайней мѣрѣ корпусомъ»²⁾. . . .

Подобную же характеристику преосвященнаго даетъ онъ и въ одномъ изъ «напутственныхъ» стихотвореній И. П. Мятлеву, оставившему Тверь (проѣздомъ) 4-го іюля 1827 г.:

.
 И есть у насъ еще здѣсь чудо:
 Амвросій, нашъ архіерей —
 Краса ученыхъ всѣхъ монаховъ,

1) Въ мѣрѣ Алексѣй Протасовъ.

2) Изъ письма отъ 18-го апрѣля 1827 г.

Умнѣе даже патріарховъ,
 А сердцемъ простъ, какъ іерей.
 Онъ истинный поборникъ вѣры,
 Но не ханжа и не сердитъ,
 Какъ мистики и лицемѣры.
 Вотъ былъ бы ужъ митрополитъ!
 О всемъ умно какъ говорить;
 О всемъ какъ здраво рассуждаетъ,
 И не педантъ, хоть много знаетъ.
 Повѣритъ ли кто въ этомъ мнѣ:
 Онъ судитъ даже о войнѣ
 Получше многихъ и военныхъ,
 Своею службою надменныхъ.
 Не всякій, право, генераль
 Съ такимъ вниманіемъ читаль,
 Какъ онъ, военные журналы.
 Его взять можно въ генералы!
 Хоть ростомъ онъ довольно малъ,
 Но былъ бы славный генераль
 Дивизионный, не бригадный,
 И дѣловой, а не парадный.

(Неизд.).

Вообще, объ Амвросіѣ Измайловъ отзывался не иначе, какъ съ чувствомъ самаго глубокаго уваженія: «Душевно люблю этого необыкновеннаго человѣка, какъ за рѣдкій умъ его, превосходное сердце, такъ и за твердый характеръ», писалъ онъ однажды женѣ. Измайловъ любилъ бывать у него, и тотъ не оставлялъ его своимъ посѣщеніемъ¹⁾, и назидательныя бесѣды съ преосвященнымъ оставили глубокій слѣдъ въ душѣ Александра Ефимовича; онъ вспоминалъ архіепископа и впоследствии, когда былъ въ Архангельскѣ и когда вернулся въ Петер-

1) См. между прочимъ стихотвореніе Измайлова «Приглашеніе на обѣдъ», начинающееся словами:

Приди, любезный прокуроръ,
 Къ вицегубернатору откушать,
 Преосвященнаго послушать и т. д.

бургъ. Болѣе часто Александръ Ефимовичъ встрѣчался съ преосвященнымъ въ домѣ князя С. А. Хилкова, супруга котораго — Елизавета Семеновна (рожденная Волчкова)¹⁾ была, судя по письмамъ Александра Ефимовича, первой дамой въ Твери. Тверяне называли ее не иначе какъ «княгиней-богиней». Нашъ писатель относился къ своей «почтеннѣйшей сосѣдкѣ» съ чувствомъ самаго глубокаго уваженія, въ особенности за ея доброе сердце (княгиня была благотворительница); княгиня отвѣчала на его любезности, приглашала часто къ себѣ и любила его бесѣды и чтеніе. Нужно замѣтить, что Е. С. Хилкова не чуждалась литературы и литераторовъ; изъ круга послѣднихъ она имѣла не мало знакомыхъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ у ней бывали И. И. Дмитриевъ, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, графъ Д. И. Хвостовъ и другіе, которые и запечатлѣвали въ ея альбомѣ знаки своего къ ней уваженія. Измайловъ познакомился съ ней лишь въ Твери и также нерѣдко вписывалъ стихи въ ея альбомъ.

Вообще, на первыхъ порахъ тверское общество удовлетворяло Измайлова, и оно, въ свою очередь, было довольно новымъ вице-губернаторомъ; въ честь Александра Ефимовича писали даже стихи. Любезный пріемъ, оказанный Измайлову тверянами, такъ расположилъ къ Твери сердце Александра Ефимовича, что онъ убѣдительно просилъ жену поспѣшить выѣздомъ къ нему вмѣстѣ съ дочерьми, увѣряя, что она найдетъ здѣсь прекрасное общество и всѣ удобства жизни и присовокупляя, что «и луна въ Твери ничѣмъ не хуже петербургской»²⁾. Въ особенности пріятно было Измайлову встрѣтить въ лицѣ чиповниковъ-сослуживцевъ дѣятельныхъ и исполнительныхъ сотрудниковъ; это было для него тѣмъ болѣе важно, что, помимо исполненія текущихъ дѣлъ, Измайлову приходилось приводить въ порядокъ и къ окончанію дѣла, остававшіяся «подъ сукномъ» въ ожиданіи его пріѣзда и не рѣшенныя за время его болѣзни. Къ тому же надо замѣтить, что въ кругъ обязанностей тогдашняго гражданскаго вице-губернатора входили и обязанности предсѣдателя Казенной палаты, имѣвшей шесть разнородныхъ отдѣленій: хозяйственное, лѣсное, питейное, казначейство, соляное и наконецъ контрольное. По-

1) За княземъ Степаномъ Алексѣвичемъ Хилковымъ (1786—1854) была въ третьемъ замужествѣ; скончалась въ Москвѣ 2-го іюля 1856 года. См. о ней въ *Северной Пчелѣ* 1856 г., № 151. — *Русскій Архивъ* 1871 г., ст. 988.

2) Изъ письма отъ 9-го января 1827 г.

мимо того, вицегубернаторъ предсѣдательствовалъ въ рекрутскомъ присутствіи и по дѣлу рекрутскаго приѣма, равно какъ для цѣлей ревизіонныхъ, долженъ былъ посѣщать и уѣздныя казенныя учрежденія. Скопленіе такой массы разнообразныхъ дѣлъ въ однѣхъ рукахъ, само собою разумѣется, требовало отъ добросовѣстнаго вицегубернатора, какимъ былъ Измайловъ, затраты большого количества времени и силъ; а Александръ Ефимовичъ былъ къ тому же въ этой обязанности новичкомъ; посему можно вполне повѣрить слѣдующимъ строкамъ письма его къ И. И. Дмитріеву отъ 6-го іюля 1827 года: «Въ первые мѣсяцы моего здѣсь пребыванья не столько волею, сколько неволею, такъ занялся питейными и другими новыми для меня дѣлами, что едва имѣлъ время вести переписку съ женой»¹⁾. Особенно тяжелымъ бременемъ ложилось на Измайлова исполненіе, помимо своихъ обязанностей, обязанностей губернатора, котораго онъ замѣщалъ на время его отлучки въ уѣзды губерніи по дѣламъ службы, а разъѣзды эти были довольно часты и продолжались иногда значительное время. Какъ тяжелы были для Измайлова эти «замѣщенія», можно судить по слѣдующему отрывку изъ вышецитованнаго письма его къ Дмитріеву, писаннаго уже по приѣздѣ жены Александра Ефимовича въ Тверь: «Наканунѣ ея (жены) приѣзда принялъ я губернаторскую должность и во все продолженіе моего губернаторства, — клянусь богами моими: Аполлономъ и Бахусомъ²⁾, — не спалъ покойно ни одной ночи, видѣлся съ семействомъ моимъ только во время обѣда и сидѣлъ почти безвыѣздно въ своемъ кабинетѣ, какъ въ тюрьмѣ»³⁾. Дѣлалъ разъѣзды по дѣламъ службы, главнымъ образомъ для набора рекрутовъ и ревизіи уѣздныхъ казначействъ, и самъ Александръ Ефимовичъ, о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ; пока же отмѣтимъ, что обязанности вице-губернатора вообще не понравились Измайлову, когда онъ ближе съ ними познакомился, да и не могли ему правиться по самому характеру ихъ. Производить внезапныя ревизіи тѣхъ или другихъ казенныхъ кассъ, зорко слѣдить за упущеніями, воровствомъ и лихоимствомъ, составлявшими столь обычное явленіе въ провинціальномъ

1) *Русскій Архивъ* 1871 г., ст. 995.

2) Аполлономъ — какъ поэтъ и Бахусомъ — какъ чиновникъ, вѣдавшій между прочимъ и питейными дѣлами.

3) Тамъ же.

чиновничествѣ того времени¹⁾, провѣрять состояніе винныхъ погребовъ, наблюдать за приходомъ и правильной раздачей казеннаго хлѣба въ ссуду, разъѣзжать то и дѣло изъ уѣзда въ уѣздъ, производить рекрутскій наборъ и быть свидѣтелемъ порою удручающихъ сценъ его и пр., и пр., все это было не по сердцу Александру Ефимовичу послѣ спокойной службы въ Петербургѣ. Тамъ жизнь его регулярно и не торопясь, на протяженіи трехъ десятковъ лѣтъ, протекала по утрамъ въ департаментѣ, а остальное время дня дома, за письменнымъ столомъ, въ мирной бесѣдѣ съ музами и ихъ друзьями, съ перомъ въ рукѣ, за книгой или корректурой, или же просто въ кругу горячо любимой семьи, всю горечь разлуки съ которой Александръ Ефимовичъ теперь въ особенности ощущалъ. «Пожалѣй меня, любезная Катенька!» — писалъ онъ женѣ 14-го марта 1827 г. — «Солово приходится мнѣ отъ соляныхъ дѣлъ, тяжело отъ мѣдной монеты, тошно отъ хлѣба, розданнаго въ ссуду казеннымъ крестьянамъ, и дурѣю я отъ полугарнаго вина. Пожалѣй обо мнѣ, добрая жена: все будетъ легче, какъ ты приѣдешь». Особенно не нравилось Измайлову слѣдить за дѣлами питейными: «Утѣшаюсь единственно тѣмъ», — писалъ онъ И. И. Дмитріеву, — «что скоро возстановятся откупа, и что не долго буду исправлять должность перваго цѣловальника въ губерніи»²⁾. Но откупа не возстановлялись, и Измайловъ, можетъ быть, еще долго продолжалъ бы «исправлять должность перваго цѣловальника» въ Тверской губерніи, если бы обстоятельства скоро не перемѣнились на столько, что онъ принужденъ былъ оставить Тверь навсегда.

Дѣло въ томъ, что, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ на мѣстѣ своего новаго служенія и присмотрѣвшись поближе къ окружавшему его обществу, Измайловъ въ немъ сильно разочаровался. Начать хотя бы съ того, что добрыя отношенія, установившіяся было на первыхъ порахъ между Измайловымъ и губернаторомъ Борисовымъ, начали постепенно ухудшаться; иногда между вице-губернаторомъ и губернаторомъ

1) О послѣднемъ могутъ дать нѣкоторое представленіе слѣдующія строки Александра Ефимовича изъ письма его къ женѣ отъ 6-го февраля 1827 г.: «Вообще о здѣшнихъ канцеляристахъ говорятъ, что имъ несравненно пріятнѣе взять 1 рубль съ просителя, нежели получить 500 рублей прибавки жалованья». «Надобно» — прибавляетъ Измайловъ — «поселить въ нихъ духъ поблагороднѣе»...

2) *Русскій Архивъ* 1871 г., ст. 995.